

ЕГОР ГАЙДАР

ФОТО ПЕРТИН РОСВА

ЗНАКОВАЯ ФИГУРА 90-х

Преждевременный человек

Для истории и сто лет – ничтожный срок, и кажется, что это было лишь вчера. Однако в октябре будет уже 10 лет началу экономических реформ, на которые решилась команда младореформаторов во главе с Егором Гайдаром. Став знаковой фигурой России переходного периода, личность Гайдара и по сей день вызывает самые острые споры. Но сколько бы его ни ругали, у него же и спрашивают совета в вечном для Руси вопросе: что делать дальше? Действительно, что?

Сергей **ГОРНОВ**

Кто виноват и что делать

Когда сентябрьским вечером 1991 года в присутствии ликующей толпы на столичной площади Дзержинского мощный подъемный кран снял с постаментов Железного Феликса, многие были уверены, что жизнь станет совсем другой. Россия, покончившая с тоталитарной идеологией и экономикой, будет частью цивилизованного мира, и жизнь в бывшей «империи зла» будет счастливой, свободной и сытной.

Но случилось по-другому. Страна как бы испугалась своего замаха, либеральных лозунгов, притормозила политический и экономический «маховик», в отличие от соседей по соцлагерю, реформы оказались половинчатыми, а политические споры о ранее очевидных путях развития снова стали актуальными и выливаются порой в жестокие драки митингующих. Постепенно эйфория первых лет реформ сменилась разочаровани-

ем, а потом и злобой на тех, кто начинал все эти реформы. Почему десять лет спустя многие отрасли продолжают лежать на боку, старики копаются в помойках, а коррупция и криминал достигли невиданных размеров?

Егору Гайдару чаще других задают (а вернее, бросают в лицо) эти вопросы, поскольку он начинал реформы на практике и руководил правительством в начале ставших уже историей 90-х годов. Он отвечает на них блестяще, аргументированно и вполне научно. Но для простых людей, ставших за последние годы беднее и злее, все аргументы и выкладки не имеют никакого значения, потому что живут они хуже. «Во всем виноваты Гайдар и Чубайс». Эти слова можно услышать на каждом углу.

Но давайте разберемся.

Детство, отрочество, юность

Егор рос в элитной семье. Дед – знаменитый писатель Аркадий Петрович Гайдар, мать – дочь писателя Павла Бажова. Отец – бывший контр-адмирал и журналист Тимур Гайдар – был человеком общительным, известные писатели и публицисты были частыми гостями, обсуждали весьма острые проблемы рыночного социализма, политических свобод, бурно спорили о необходимости экономических реформ и хозрасчете.

Еще мальчишкой Гайдар оказался на Кубе – отец был послан туда спецкором «Правды» в самый разгар Карибского кризиса. В их дом заходили Рауль Кастро и Че Гевара, однако на прекрасном Острове Свободы даже невооруженным глазом видны были несуразные экономические проблемы. Потом семья переехала в Югосла-

вию – рыночную соцстрану, где, пожалуй, впервые Егор стал вникать в экономические проблемы и смог наблюдать своеобразие национальных особенностей стран Восточной Европы. Там, в Югославии, он так же не раз слышал, как отец обсуждал с приятелями непонятные еще рыночные отношения, НЭП, а также возможность либеральных реформ в СССР.

Интересно, что в это время у юного Гайдара обнаружилась фотографическая память – он мог запомнить почти наизусть целый сборник и выдавать потом на память цитаты и цифры о производстве стали в Китае в таком-то году или душевого дохода Венгрии за очередную пятилетку. Много интересных собеседников было у Гайдаров и на подмосковной даче, где он впервые встретил будущую жену Машу – дочку Аркадия Стругацкого. Известный писатель-фантаст однажды и спросил Егора, знает ли он, что такое инфляция? Юный экономист решил проштудировать книги на эту тему и, похоже, зачитался на всю жизнь. Сначала изучил Адама Смита и Маркса, Энгельса и Плеханова, а когда семья снова уехала в Югославию, начитался «вредных» западных экономистов, которых в советских библиотеках не выдавали – Бернштейна и Гароди, Самуэльсона, Гелбрейта и Кейнса. Тогда и осознал противоречия марковского «Капитала», казавшегося до того абсолютно незбылемым.

Не удивительно, что для талантливого выходца из интеллигентной среды поступление в 1973 году в лучший вуз страны – на отделение политэкономии экономического факультета МГУ – был само собой разумеющимся делом. Здесь учи-

лись дети чиновничьей и политической элиты, талантливые ребята из рабочих и крестьян, а также представители национальных республик и стран Азии, Африки и Латинской Америки, которых отбирали в обязательном порядке. Все варились в едином «котле», штудировали «Капитал», но и спорили о реформах, рассказывали анекдоты про Политбюро и Брежнева, слушали «Битлов» и рок-оперу Ллойда Уэбера и Тима Райса Jesus Christ Super Star.

На экономфаке МГУ в ту пору учились Петр Авен, Андрей Нечаев, Владимир Машиц и другие студенты-единомышленники, которых Гайдар потом пригласил в свой кабинет министров-младореформаторов. Стоит сказать, что столичный университет в 70-е и 80-е годы, конечно же, был цитаделью марксизма-ленинизма, кузницей советских политических и экономических чиновничьих кадров, но в то же время и источником вольнодумства – рассуждать-то и делать собственные выводы никто запретить не мог, а умные книги давали пищу для ума. Чем больше запрещали выдавать студентам книги зарубежных экономистов, тем больше возникало желание достать их и почитать.

Гайдар был вполне нормальным студентом, с иронией относившимся ко всем условностям существующего режима и его идеологии, не миновав увлечения «Битлами» и карате. Правда, к моде на импортные джинсы, которые тогда считались высшим шиком и доставались из-под полы, остался довольно равнодушным и чаще ходил на лекции в обычном костюме. Отлично играл в шахматы, любил «тягать» гири и бокс, не был заносчивым, хотя и превосходил в знаниях своих однокурсников. Он вполне мог пойти по чиновничьей карьерной лестнице – это было уготовано ему самой судьбой. Но так уж получилось, что семья и школа, а потом и МГУ – сформировали его совсем

по-другому. А хорошие знания помогли остаться в аспирантуре, защитить кандидатскую по экономике промышленности и затем начать работу в НИИ системных исследований, где он занимался анализом экономических реформ в странах социализма. Здесь ученым дозволялось свободно обсуждать недостатки развития братского Китая или более удачный рыночный путь не менее братских Югославии и Венгрии. Однако предлагать такие выводы политическому руководству тогда не представлялось возможным.

Вставай, страна огромная

После прихода к власти либерального партийного крыла Михаила Горбачева ситуация стала меняться. В конце августа 1986 года молодые экономисты собрались под Ленинградом и открыто обсудили проблемы ранее идеологически опасной темы рыночной экономики. Были тут молодой петербуржец Анатолий Чубайс, Петр Авен и ряд других будущих рыночников. В то время по приглашению Отто Лациса Гайдар работал в журнале «Коммунист» и газете «Правда», отразивших раскол мнений в самой КПСС – от либерала Александра Яковлева до консерватора Егора Лигачева.

Он тогда неоднократно встречался с Горбачевым в официальном и неофициальном кругу, но на политическую арену уже вышел Ельцин, который становился все более популярным. В это время Гайдар познакомился с инициатором программы «500 дней» Григорием Явлинским, Евгением Ясиным, Борисом Федоровым. После провала «500 дней» Гайдару предложили возглавить Институт экономической политики, куда тот позвал за собой Владимира Мау, Андрея Нечаева, Владимира Машица и занялся краткосрочным прогнозированием экономики, у которой к тому времени явно обозначились кризисные черты.

ФОТО: Е. РАЙСЕР, АН

Председатель Центрального банка РФ Виктор ГЕРАЩЕНКО:

«Я познакомился с Егором Тимуровичем в период его работы в журнале «Коммунист» – тогда он обратился ко мне с просьбой дать интервью. В дальнейшем сотрудничал с ним, когда он был редактором отдела экономической политики газеты «Правда». Егору Тимуровичу всегда был присущ интерес к новизне, большая работоспособность, понимание необходимости реформ. Он дважды предлагал мне работать в ЦБ России – в ноябре 1991-го и затем летом 1992 года. Условия, которые мы с ним обговаривали, вполне соответствовали духу партнерства и сотрудничества в деле развития банковской системы, становления ЦБ, проведения кредитно-денежной политики».

На второй день путча гкачепистов – 20 августа 1991 года – Гайдар с сотрудниками института отправился в Белый дом, где познакомился с Геннадием Бурбулисом, который осенью 1991 года предложил ему выработать программу экономических реформ. Потом Гайдара назначают экономическим советником Ельцина, а 5 ноября 1991 года вице-премьером и министром экономики и финансов.

Краткий курс переходного периода

Думал ли внук писателей Голикова и Бажова, что когда-нибудь займет кабинет всемогущего премьера громадной Российской империи! Трудно передать чувства человека, в первый раз севшего за стол, который занимали видные фигуры Политбюро и от одного росчерка пера которых зависели судьбы миллионов людей. Однако тогда было не до эмоций. В бывших советских закромах уже не было ни хлеба, ни золота. После павловских реформ (деноминацию рубля ошибочно приписывают Гайдару) катастрофически раскручивалась инфляционная спираль, дефицит потребительских товаров и продовольствия стал для простых людей страшной реальностью. Нужно было принимать точные прагматические решения, чтобы завтра не было очередей в магазинах, не «одеревенел» окончательно рубль и работали фабрики и заводы.

Уже тогда на вечный для российских обывателей вопрос «Что делать?» Гайдар знал ответы. Его команда младореформаторов имела теоретические наработки на переходный период реформ. Необходимость либерализации цен ни у кого не вызвала сомнений, а в том, стоило ли форсировать приватизацию – многие, в том числе и Гайдар, сомневались, поскольку понятия о священной для западных демократий частной собственно-

ФОТО НАРМБА АН

Решения премьеру в тот период хаоса надо было принимать быстро, почти моментально, но при этом обоснованно и логично. Старым партийным хозяйственникам это было не под силу.

сти вырабатываются многими десятилетиями.

Потом в своих интервью Гайдар не раз объяснял «тайну» появления приватизационных чеков. И Гайдар, и Чубайс были решительно против них и предлагали проводить приватизацию за деньги и постепенно. Это Верховный Совет принял закон о чековой приватизации еще до того, как Гайдар и Чубайс пришли работать в правительство, а СМИ подхватили эту идею. Младореформаторы также предлагали исключить второй вариант приватизации, который отдавал 51% акций трудовому коллективу, а фактически – директору. Но наш парламент настоял на том, чтобы не повышать цену предприятий, на которых идет приватизация. Те же люди, которые яростно боролись за снижение цены предприятий, теперь ругают реформаторов за бесплатную раздачу собственности.

Гайдар и его команда, в которую вошли Головкин, Чубайс, Шохин, Нечаев, понимали, что либерализация цен может привести к инфляции, хотя тут можно было как-то использовать опыт Польши, где были приняты необходимые стабилизационные меры. А в остальном практического опыта для перехода от социализма к рынку нигде в мире не было. Опыт ГДР гайдаровской команде не годился. Она вливалась в объятия богатой ФРГ, а Россия должна была перейти на другие рельсы сама, без чьей-либо помощи. Все это происходило на фоне невиданных политических реформ – распада СССР, краха КПСС, ликвидации карательных органов КГБ, крушения идеологических догм, невиданной свободы слова, собраний и митингов. Все внимание населения было приковано к событиям в этой сфере политической надстройки, и на этом фоне экономические реформы казались не столь существенными. Но младореформаторы, хорошо учившие Маркса, понимали, что экономический базис куда важнее. Без слома старой хозяйственной машины и создания рыночных институтов ценообразования и конкуренции, появления частных собственников, реставрация политических институтов СССР могла произойти в одночасье в результате маленького подкововерного пугача.

Поэтому гайдаровский кабинет начал реализовывать свои реформы, осознавая при этом, что встретит отпор со стороны парламента (Верховного Совета), где сидели люди старой формации и закалки. При первой же встрече с Ельциным после назначения Гайдар заявил, что, приняв непопулярные, но необходимые меры по слому старых экономических институтов (вроде Госплана) и началу либеральных рыночных реформ, сразу подаст в отставку, чтобы не подставлять политическое руководство страны.

Политэкономия романтизма

При всех просчетах младореформаторов стоит отметить, что главной проблемой тех лет было предотвратить экономическую катастрофу и настоящую гражданскую войну – все к тому и шло. Надо было погасить социальные взрывы и направить развитие страны в мирное русло реформ, одновременно надо было ломать старые и создавать иные политические и экономические механизмы нового общества. И эти сложные задачи худо-бедно были решены.

«На мой взгляд, – пишет Егор Гайдар в своих мемуарах «Дни поражений и побед», – то, чему мы в это время стали свидетелями, было революцией... Сама революция – жестокий приговор элитам старого режима, расплата за их неспособность своевременно провести необходимые реформы, обеспечить эволюционное развитие событий».

Да, шаги гайдаровской команды по жесткому регулированию бюджета и финансовой сферы встретили непонимание у многих. Вице-президент Александр Руцкой и парламентский спикер Руслан Хаббулатов стали рупором противников монетаризма, «красных» директоров и парламента, а позже появились расхождения и с бывшими единомышленниками – Сергеем Глазьевым, Александром Шохиним и другими.

Жесткие ограничения на деятельность подконтрольного Верховному Совету ЦБ, призывы остановить печатный станок и бюджетные вливания, в том числе и в социальной сфере, к которым призывали гайдаровцы, были вызваны необходимостью обуздать гиперинфляцию, стабилизировать кредитно-финансовую сферу. Но российские парламентарии, зараженные митинговым популизмом, принимали другие решения – раздать «всем сестрам по серьгам», вы-

делить отраслям дополнительные ассигнования, повысить оклады и пенсии, хотя скудные финансы и бюджет этого никак не позволяли.

Можно сказать, что в итоге эволюционное развитие событий без большой крови и сильных революционных потрясений в начале 90-х годов было обеспечено в немалой степени гайдаровской командой молодых ученых-прагматиков, которых при этом упорно называют экономистами-романтиками. Романтики они лишь потому, что путем радикальных шоковых реформ быстро хотели превратить нашу страну в Швецию или хотя бы в Чехию или Польшу. Но не получилось – теория сильно отличается от практики, тем более в такой стране, как Россия. Правительство Гайдара, которое само себя называло командой-камикадзе, не успело выполнить даже программу-минимум. Несмотря на временную поддержку Ельцина, Гайдар и его команда были отправлены в отставку и на их место на долгий срок заступило правительство Черномырдина.

После первой отставки Гайдар заявил своим министрам, что не будет возражать, если кто останется с Черномырдиным, и уехал. А вечером ему позвонила Наина Иосифовна Ельцина, сказала, что «ваша команда такая молодая и умная, придумали бы что-нибудь, чтобы помочь Борису Николаевичу, который в кольце врагов, которому трудно, тяжело и нужны советы, что делать с экономикой дальше».

Отдыхая после отставки на рыбалке, которую очень любил, он вспомнил встречу с «польским Гайдаром» – Лешекком Бальцеревичем в декабре 1991 года, который так же был министром финансов и исполняющим обязанности премьера Польши. Тому тоже суждено было начать либеральные рыночные реформы, открыть внешнюю торговлю, укрепить ча-

стный сектор при одновременном падении промышленности, довольно высокой инфляции, росте социальной дифференциации, которая всегда вызывает протесты населения. Никто еще не знал, что проведенные реформы станут основой «польского экономического чуда» и эта страна будет бить рекорды по динамике постсоциалистического развития. А тогда, как и Гайдар, Бальцеревич стал одной из самых ругаемых фигур переходной Польши, «грабителем населения», которого так же отправили в отставку. Егор Гайдар еще раз отчетливо осознал, что ему предстоит та же тяжелая участь непонятого людьми реформатора, гонимого рыцаря Дон Кихота, признаваемого только своим верным Санчо Пансой.

О том, что Ельцин все же не отступился сразу от рыночных реформ, говорит тот факт, что в сентябре 1993 года Гайдара опять позвали в правительство, но ненадолго – оппозиция и парламент заставили его снова уйти, хотя именно Гайдар призывал по телевизору «дать отпор контрреволюции» в ночь с 3 на 4 октября 1993 года.

Скоротечной гражданской войной назвал Егор Тимурович события тех октябрьских дней, которая, к счастью, не вылилась в долговременную. Он подал в отставку уже в октябре 1993 года, чтобы не исполнять роль декоративного премьера, из-за непоследовательной кадровой и экономической политики президента и потому, что нельзя работать в правительстве и быть одновременно ему в оппозиции.

Надо отметить, что на второй свой срок Гайдар заступил уже другим, стал по иному судить о людях, их поступках. Как он пишет в своих мемуарах, пришло понимание, что политика почти всегда – выбор не между добром и злом, а между большим и меньшим злом. Однако,

Губернатор Новгородской области Михаил ПРУСАК:

«До I Съезда народных депутатов СССР в 1989 году у нас не принято было открыто говорить о путях перехода к рыночной экономике. Мы дискутировали и обсуждали тогда самые разные пути переходного периода. Время показало правоту задумок гайдаровской команды младореформаторов. Они были у власти недолго, но все их шаги были оправданы – либерализация цен и торговли, приватизация – все это надо было делать. И если бы удалось довести их планы до конца – может быть, тогда бы мы жили совсем по-другому. А теперь многие, кто пришел после Гайдара, свои ошибки списывают на него».

Гайдар уже отчетливо осознавал свою причастность ко всему, что будет со страной после него и, недолго поколебавшись, вполне осознанно пошел в большую политику, тем более что единомышленники по правому делу признали его своим лидером. В декабре 1993 года Гайдар был избран депутатом Госдумы от блока «Выбор России» и стал председателем думской фракции.

Ницета философии или философия ницеты

Говорят, он сильно постарел – это о Гайдаре-то, которого вечно рисовали в карикатурах в коротких штанишках с сабелкой в руках и называли предводителем команды неоперившихся лаборантов и завлабов. Ему уже сорок пять, и он директор уникального Института экономики переходного периода.

Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, но о Гайдаре этого не скажешь. По-прежнему много читает, любит отдыхать в северных широтах, рыбалку, еще больше – жену и детей, правда, костюмы стал носить куда более стильные, чем раньше. Бывает за границей, где выступает, читает лекции, причем на чистом английском. Да, он совсем уже не романтик, стал куда жестче, но идейно не изменился и не отступился от своих принципов, как многие, не стал популистом, поменявшим лозунги под веянием времени. Ему стало еще яснее, что страны, быстрее и радикальнее проводившие экономические реформы, быстрее восстанавливали экономический рост. Выдержав последовательную линию на радикальные реформы, они через несколько лет обретали действительно рыночные механизмы, стабилизировали денежное обращение.

Да, на какой-то период создается патовая ситуация, когда старые экономические механизмы

ФОТО: ГИАС СТОМЦЕ

Гайдар и Чубайс – единомышленники. И сейчас дружат семьями, порой ездят на отдых вместе.

уже не работают, а новые еще не заработали, но этот трудный период нужно превозмочь без паники и истерики. Нерешительность ведет лишь к «третьему пути» – в лоно отсталых латиноамериканских и африканских стран «третьего мира».

Мировой капитализм разбит как бы на два лагеря – цивилизованных западных стран и огромной когорты государств «третьего мира» в большинстве своем с низким уровнем жизни и слабыми демократическими институтами. Почти все «третьи страны» пытались идти «своим особым национальным путем» и пришли к сырьевой экономике, слабо развитой промышленности, многие – к коррумпированному олигархическому обществу, а некоторые – к откровенно диктаторским режимам.

По какому пути пойдет Россия – главный вопрос нынешнего времени. Переходный период

По мнению Владимира Мау, после революций у поддержавших ее слоев всегда наступает разочарование, и связано это с завышенными ожиданиями.

может тянуться сколь угодно долго, законсервироваться, сублимироваться, как у нас, собственно, и получилось. Чем короче переходный период, тем все же лучше, а отсюда и призывы к «шоковой терапии» – ускоренному переходу от социализма к капитализму со всеми вытекающими негативными социальными последствиями. Быть может, потому мы до сих пор и не решили большинство экономических проблем, поскольку как раз не пошли по пути Гайдара и Бальцеревича и теперь сильно отстали от бывших соцстран Восточной Европы в динамике преобразований.

«Егор, ты не прав»

Егор Гайдар теперь мало общается с журналистами, не выступает на митингах – надоело объяснять свои идеи, вспоминать, как все было на самом деле. Редко участвует в теледискуссиях. Но если участвует, профессор Гайдар по-прежнему, даже еще четче, отвечает на самые сложные вопросы, лишь больше стало иронии в голосе. Он требует настоящего оппонента, с которым можно спорить на своем уровне, а кухонные рассуждения – «они все там наверху дураки» – ему не годятся. Нищета философии многих гайдаровских оппонентов обнаруживается после первых же его ответов. Однако те добивают его популярными фразами типа: «вы развалили Россию и обнищали народ». Хотя за приватизацию в свое время проголосовал парламент, хотя реальным руководителем правительства все годы был Ельцин и его администрация, дефолт случился при Кириенко, а Черномырдин сидел у руля раз в пять больше и все это время экономика и промышленность падали, – о них народ отзывается куда лучше, чем о Гайдаре и Чубайсе.

Те, кто поддерживает Гайдара, считают, что спорить с ним надо понимающим в экономике собеседникам. Верно, экономика это наука, тонкая материя, а экономические законы действуют объективно – независимо от наших эмоций и желаний.

Да, надо признать, что понять реформы и идеи Гайдара могут не все. Вот есть же кино не для всех, от Феллини до Тарковского и Сокурова, умное настоящее кино, истинное киноискусство, которое массе непонятно, даже порой вызывает разочарование, раздражение. Ходят на такое кино зрители специфические, интеллигентные, образованные, те, кто понимает, кто может проникнуться тонкой, порой ускользающей от обывателя мыслью автора.

Так и у Гайдара есть свои ярые приверженцы, которые дышат с ним одним воздухом, идейные поклонники, обожатели, их немного, но они – его коленопреклоненная публика, его, если хотите, сталкеры. И это действительно, как правило, люди высокообразованные и культурные. Так что для элементарного понимания публикой либеральных реформ нам сначала надо воспитать среднего россиянина, который бы не пил, «зато читал Адама Смита и был глубокий эконом, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет».

В чем только не обвиняли Гайдара. Зюганов – в краже государственных денег и передаче оружия чеченским боевикам, а Илюхин приписал ему слова «пусть пенсионеры вымрут». Гайдар выиграл иски против обоих, но трудно отмыть навешанные ярлыки. Куда трудней жить непонятым своим народом, ждать будущего, социального созревания общества, которое не доросло до понимания сложных проблем переходного периода.

Да что там народ, думцы – народ вроде бы образованный – и туда же. Руководитель Рабочего

центра экономических реформ при Правительстве РФ Владимир Мау вспоминает, как думская делегация аграриев пришла в ИЭПП за советом по реорганизации сельского хозяйства. Но, услышав, что тамошние сотрудники разговаривают с иностранными коллегами по телефону на английском, тут же ретировалась. «Какие-то шпионы – раз с границей по-иностранному говорят».

Столь примитивные аргументы, конечно, не у всех. Куда интересней разногласия с гайдаровскими теориями его научных оппонентов – от бывшего учителя по МГУ Гавриила Попова до академи-

ков старой школы Дмитрия Львова и Олега Богомолова. Они считают, что тогда можно было действовать по-другому, делать более щадящие реформы с учетом социальных последствий. По мнению руководителя Центра исследования промышленной политики ИМЭПИ РАН доктора экономических наук Владимира Волошина, при проведении гайдаровских реформ роль государства была устранена до минимума и оно не смогло осуществлять их в интересах всего общества. Предстоит еще соединить интересы государства, предприятий и населения – а это непростая задача.

Революции всегда пожирают своих детей. Такова судьба всех реформаторов – от Кромвеля до Горбачева. Это в немалой степени относится и к Гайдару.

ФОТО: ГАЗ СТОЛНИК

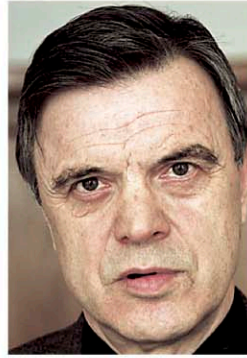

ФОТО: АРХИВЪ.АР

Зав. кафедрой мировой экономики РЭА им. Плеханова Руслан ХАСБУЛАТОВ: «После ГКЧП в России сложилась идеальная обстановка для самых радикальных капиталистических реформ. Главным вопросом был выбор модели реформирования, и они навязали Ельцину американскую модель, хотя я предлагал социально-ориентированный путь развития, близкий к Эрхарду. В результате роль камикадзе выполнили Ельцин и Хасбулатов, а не младореформаторы, которые были просто смешны. Нужны были специалисты, а не фельдшеры, которые ринулись в экономику».

Наше дело правое

Гайдар по-прежнему – идеолог правого движения, СПС, продолжающихся в стране либеральных экономических реформ. Не зря говорят, что его разработки легли в основу стратегической программы Германа Грефа.

Он полагает, что нынешнее правительство проявило политическую волю и нашло в себе мужество не только сформировать программу глубоких структурных преобразований, но и начать ее практическое воплощение. Той олигархической экономики, которая была в России в 1995–1998 годах, уже не существует. Государство стало намного сильнее и будет укрепляться.

Что же дальше?

Ответ у Гайдара есть. Нужно продолжить налоговую реформу, принять хорошее земельное законодательство и пакет законов по дерегулированию экономики, а в резерве еще и вопросы вступления России в ВТО. Первую часть переходного периода мы завершили – об этом свидетельствует начавшийся экономический рост и то, что рынок и частная собственность перестали быть предметом разногласий. Автор этой статьи мы пройдем, когда можно будет сказать, что родимые пятна социализма уже не оказывают серьезного влияния на развитие событий в нашей экономике. К сожалению, это вопрос не быстрый, лет 10 придется поработать.

Гайдару по-прежнему либо поклоняются, почти как богу, либо ругают на чем свет стоит – таких, пожалуй, больше. Середины почти нет – вернее есть, но она, эта середина, к нему никак не относится. Вот на эту середину, в том числе еще на не оперившуюся молодежь, выросшую в свободе и потому приверженную либеральным ценностям, у него вся надежда. Он верит, что время идей его команды и партии придет, оно еще впереди. Это пока Гайдар – преждевременный для России человек.